

Ежи Й. Вятр¹

К НОВОМУ МИРОВОМУ ПОРЯДКУ XXI ВЕКА

Сто лет назад, на третьем году Первой мировой войны, произошли два не связанных между собой события, которые затронули миропорядок и изменили его на несколько последующих десятилетий. Русская революция 1917 года и захват власти большевиками привели к идеологическому противостоянию в международных отношениях. Молодое Советское государство воспринимало свои отношения с остальным миром с точки зрения идеологии (коммунизм против капитализма), а не с точки зрения конфликтующих национальных интересов. «Мы считаем, — заявил Ленин в мае 1918 года, — что интересы социализма, интересы мирового социализма выше национальных интересов, интересов государства» [6, с. 166]. Мир «ответил взаимностью», провозгласив Советскую Россию своим идеологическим врагом. Даже после нормализации дипломатических отношений и вступления Советского Союза в Лигу Наций идеология осталась доминирующим фактором в отношениях между СССР и остальным миром.

2 апреля 1917 года в выступлении перед Конгрессом, посвященном объявлению войны Германии, президент США Вудро Вильсон также определил цели США с позиции ценностей, а не интересов. Вильсон заявил, что Соединенные Штаты «будут воевать за то, что всегда было близко нашему сердцу, — за демократию, за право народа контролировать свое правительство, за права и свободы малых государств, за универсальные права всего сообщества свободных народов» [7, с. 250].

Почти три века спустя идеология вновь стала критическим фактором международных отношений. Это не означает, что после Первой мировой войны государства игнорировали свои интересы. Это значит, что наряду с национальными интересами — а иногда и важнее их — ведущим фактором в формировании мирового порядка стали идеологические конфликты. После заключения Вестфальского мирного договора 1648 года и Венского конгресса 1815 года сложившийся мировой порядок, исходивший из национальных интересов, сменялся идеологическими барьерами. Вторая мировая война стала вооруженной конфронтацией между тремя совершенно различными идеологическими лагерями: 1) странами «оси» — нацистской Германией,

фашистской Италией и националистической Японией; 2) коалицией либеральных демократий под руководством Великобритании и США; 3) коммунистическим Советским Союзом. У каждой из сторон имелись свои государственные интересы, но война велась далеко за пределами этих узко сформулированных национальных интересов. Страны-победители договорились о том, что в послевоенном мире будет обеспечиваться взаимное признание национальных интересов. Это отражено в решениях Ялтинской конференции, которая состоялась в феврале 1945 года, и в Уставе Организации Объединенных Наций. Однако вскоре стало ясно, что фундаментальные идеологические различия делали невозможным долгосрочное сотрудничество между двумя блоками государств. Президент США Джордж Буш-старший назвал холодную войну «битвой за душу человечества» [5, с. 3]. Только благодаря драматическому росту количества оружия массового поражения удалось предотвратить превращение идеологической конфронтации между двумя блоками в третью мировую войну.

К концу холодной войны лидер Советского Союза Михаил Сергеевич Горбачев предпринял амбициозную попытку освободить мировую политику от идеологической конфронтации. Он отказался от ленинской концепции доминирования классовых интересов в международной политике, приняв вместо этого политику «универсальных прав человека». В своем главном печатном труде он призвал к созданию «общего европейского дома» [3]. Он также принял демократические изменения и признал полный суверенитет социалистических государств Центральной Европы. Британский историк Арчи Браун подчеркнул важность подхода Горбачева к новому миропорядку. «Понятие единой цивилизации, частью которой должен стать Советский Союз, также включало и единую экономическую систему, — писал Браун. — Эта идея постоянно развивалась в трудах и выступлениях Горбачева в период второй половины его правления» [1, с. 315].

Утопическая концепция «единого дома» не реализовалась по ряду причин. Одной из них стал быстрый и неожиданный распад Советского Союза после неудачного путча в августе 1991 года и длительный кризис в бывших республиках СССР, включая Российскую Федерацию, в последнее десятилетие XX века. Еще одной причиной, гораздо более длительной, стало возникновение новых идеологических барьеров после окончания холодной войны.

Эти барьеры приняли две основные формы.

Первая состояла в идеологической ориентации крупнейших западных государств, в частности США, на продвижение политики ценностей и институтов либеральной демократии во всем мире. Самым драматическим воплощением этой политики стало вторжение в Ирак в марте 2003 года. Коалиция государств во главе с США на многие годы ухудшила международную ситуацию и привела к усилению того, что С. Хантинг-

¹ Министр образования Польши (1996–1997), депутат Сейма Республики Польша (1991–1997, 2001), доктор социологии. Автор научных работ по социологии политики, в т. ч. монографии «Социология политических отношений», статей «Восточная Европа: судьбы демократии», «Польша и Россия: национальные интересы или историческая память?», «Вторая мировая война и новый мировой порядок», «Политический кризис на Украине и его перспективы», «Национальное самоопределение — политические и правовые дилеммы», «Теория национальных интересов в науке и в политике» и др. Почетный ректор Европейской высшей школы права и управления в Варшаве, почетный президент Центральной европейской ассоциации политических наук, почетный профессор Варшавского университета, почетный сенатор Университета Люблина, почетный доктор Днепропетровского национального университета им. Олеся Гончара. Награжден орденом Возрождения Польши II степени.

тон назвал «столкновением цивилизаций» [4]. Бывший помощник по национальной безопасности президента Картера, всемирно признанный политолог Збигнев Бжезинский назвал эту политику «катастрофической» и предупредил, что «демократия подвергает дестабилизации сложившийся статус-кво, а вооруженная интервенция задним числом оправдывается тем, что демократический эксперимент провалился, а выросший на этой почве экстремизм легитимизирует одностороннее применение грубой силы» [2, с. 155–156]. Подчинение американской внешней политики идеологическим критериям либеральной демократии приобрело особенный размах при президенте Джордже Буше-младшем (2001–2009) и продолжилось, пусть и в менее выраженной форме, во время правления Барака Обамы. Одним из последствий доминирования идеологии стал тот факт, что в отношениях с другими государствами Соединенные Штаты исходили из своей оценки их внутренней политики, в частности в вопросе о соблюдении прав человека. Во время своей предвыборной кампании Дональд Трамп обещал переориентировать американскую внешнюю политику с идеологических вопросов на прагматически ориентированные национальные интересы. Теперь остается понять, окажет ли этот подход влияние на мироустройство, и если да, то какое.

Вторая угроза исходит от набирающего силу исламского фундаментализма. Рост влияния ислама и его быстрая радикализация изменяют саму природу мирового порядка. Радикальный исламский фундаментализм игнорирует национальные интересы и готов принести их в жертву ради веры. Его задачи носят тотальный и бескомпромиссный характер. После второй иракской войны, особенно после «арабской весны», конфронтация между радикальным исламом и остальным миром усилилась. Гражданские войны в Ливии, Сирии и Йемене, политическая напряженность в Египте и некоторых других арабских странах оказали долгосрочное дестабилизирующее влияние на мировой порядок.

Критически важным вопросом ближайшего будущего является готовность ведущих держав мира отойти от идеологического подхода к международным отношениям и вернуться к старой парадигме национальных интересов. В нескольких своих работах, включая ряд публикаций на русском языке [8; 9, с. 15–27], я постулировал, что такой подход позволит с большей легкостью достичь взаимоприемлемых компромиссов, когда отношения между государствами базируются на взаимно признаваемых национальных интересах, а не на противоречащих друг другу идеологических целях. Национальные интересы не исключают возможности конфликтов, но природа таких конфликтов отличается от природы идеологических конфликтов. Когда конфликты порождаются различием интересов, всегда существует возможность достижения компромисса. Конфликтующие стороны соглашаются на решения, которые частично устраивают их (или соответственно

в какой-то степени не устраивают). Дипломатия стала искусством достижения компромиссов. Иногда дипломатические договоренности не выполняются, но при мудром подходе взаимоприемлемые решения всегда возможны. Если же конфликты базируются на ценностях и идеологии, настоящий компромисс весьма проблематичен, а зачастую и вовсе невозможен.

В современном мире существует лишь один идеологический конфликт, который не может быть разрешен путем компромисса. Это конфликт между радикальным исламом и остальным человечеством. При нарастании этой проблемы крупным государствам мира не останется иного выхода, кроме как выступить единым фронтом против исламистской угрозы. С. Хантингтон был прав, когда говорил о союзе двух великих цивилизаций, западного и восточного христианства, в их противодействии агрессивному исламу. В течение ряда лет (возможно, десятилетий) этот конфликт будет крупнейшим международным конфликтом, который потребует общих усилий всех мировых держав независимо от различий в устройстве их политических систем. Либеральные демократии должны защитить — и будут защищать, надеюсь, успешно — свои институты и дух свободы, на которых построена их цивилизация. В этой борьбе они должны тем не менее сотрудничать с другими государствами, чья внутренняя политика отличается от так называемых западных ценностей. Демократия всегда начинается с местных обычаев и традиций и не может быть эффективно экспортирована из-за границы. При новом мировом порядке мы должны выявлять общие интересы и мирно решать конфликты интересов при их возникновении. В этом нам могут помочь уроки прошлого. Века, которые прошли до возникновения доминирующей идеологии, — это не «потерянный рай», но те времена были все же гораздо менее опасны, чем времена великих идеологических конфронтаций.

Литература

1. Браун А. Фактор Горбачева / А. Браун. — Оксфорд : Изд-во Оксфорд. ун-та, 1996.
2. Бжезинский З. Второй шанс: три президента и кризис американской супердержавы / З. Бжезинский. — Нью-Йорк : Бейсик Букс, 2007.
3. Горбачев М. С. Перестройка: новое мышление для нашей страны и всего мира / М. С. Горбачев. — Лондон : Коллинс, 1987.
4. Хантингтон С. П. Столкновение цивилизаций и изменение мирового порядка / С. П. Хантингтон. — Нью-Йорк : Саймон энд Шустер, 1996.
5. Леффлер М. П. За душу человека: Соединенные Штаты, Советский Союз и холодная война / М. П. Леффлер. — Нью-Йорк : Хилл энд Уонг, 2007.
6. Пайпс Р. Россия при большевистском режиме / Р. Пайпс. — Нью-Йорк : Альфред А. Кнопф, 1993.
7. Уитни Д. К. Американские президенты / Д. К. Уитни. — Гарден-Сити ; Нью-Йорк : Даблдей энд Кампани, 1978.
8. Вятр Е. Польша и Россия в свете истории и современности / Е. Вятр. — СПб. : СПбГУП, 2013.
9. Вятр Е. Теория национальных интересов в науке и политике / Е. Вятр // Социология. — Минск : БГУ, 2015. — № 2.